

ЮРИЙ КОЗЛОВ

главный редактор “Роман-газеты”

ТВОРЧЕСТВО ВИКТОРА ЛИХОНОСОВА И СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Понятие “традиция” в литературе очень многозначно. На мой взгляд, оно включает в себя обобщение писателем духовного опыта народа, творческое преобразование его в художественное произведение, наконец, обогащение этого опыта собственным пониманием происходящего. Традиции русской литературы заложили Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский, Гончаров, Чехов, Бунин, другие великие писатели. Затем в эту могучую реку влился огненный ручей революционного времени: Шолохов, Леонов, Маяковский, Алексей Толстой, Катаев. Список можно продолжать долго.

Литература советского времени синтезировала традиции русской и новой социалистической классики, обрела своё неповторимое лицо. Советская литература так или иначе, напрямую или скрытно, но выражала мироощущение всех слоёв общества: крестьянства, интеллигенции, рабочего класса, даже управляющего класса. Можно вспомнить роман Кочетова “Чего же ты хочешь?”, где автор дал жёсткий прогноз грядущих бед, если руководство КПСС не остановит процесс своего внутреннего перерождения. И этот прогноз сбылся в конце восьмидесятых-начале девяностых годов.

Интересы какого социального слоя общества выражает сегодняшняя массовая литература? На этот вопрос нет ответа.

“Роман-газета”, отметившая в прошлом году 90-летний юбилей, возникла в 1927 году, в очень сложное для страны время. Но классовая борьба в то время сочеталась с просвещением народа. Так называемые социальные лифты работали на полную мощность. Народ рвался к культуре, к образованию. На великих стройках выковывалась новая личность советского человека. Этот человек жил не материальными, а духовными интересами, а потому литература — книга, журнал — была нужна ему, как воздух. И потом СССР до самого своего конца по праву считался “самой читающей в мире страной”. Во многом потому, что существовали такие журналы, как “Роман-газета”, чей тираж достигал четырёх миллионов экземпляров.

Именно первое постреволюционное поколение одержало победу в страшной войне, оно практически всё полегло на полях сражений. Как писал в своих воспоминаниях представитель этого поколения философ Александр Зиновьев, мы жили в землянках, но читали Гегеля и Канта, изучали историю и литературу.

Сегодня, как свидетельствует статистика, взрослый гражданин России тратит на чтение книг не более пятнадцати минут в неделю. И вряд ли он читает Гегеля и Канта. Будет ли нынешнее – смартфонное и фейсбучное – поколение с такой же страстью и яростью защищать свою Родину, случись, не дай Бог, война?

Потом настало другое время. После короткого взлёта в шестидесятые годы социализм начал сдавать позиции. Народ по-прежнему много читал, но созидательный пафос из общества ушёл. Люди перестали верить в обещанный коммунизм. Властителями дум стали писатели, исследующие характеры героев внутри всевозможных социальных и житейских обстоятельств. В произведениях Юрия Трифонова, Владимира Маканина, Георгия Семёнова и других – их тогда с лёгкой руки критика Владимира Бондаренко называли “поколением сорокалетних” – уже не было созидательного пафоса, как, к примеру, в романах Катаева, Эренбурга, Gladкова, Леонова в двадцатых-тридцатых годах. Их творческий интерес сместился внутрь личности современного человека. Эти писатели показали медленное, но неостановимое *обуржуазивание* общества, плоды которого мы пожинаем сегодня. Они поставили неутешительный диагноз “развитому социализму”. Тогда, правда, критики не посмели чётко определить эту ситуацию как конфликт между неуничтожимой буржуазной сущностью среднестатистического человека и утрачивающим социальные идеалы государством. Люди чувствовали ложь, не верили власти, начинали жить мелкими внутренними переживаниями и страстями, и это делало их несчастными и неприкаянными. Типичный пример – образ Зилова из пьесы Вампилова “Утиная охота”. Это объяснялось не только тем, что социализм перестал нравиться советским людям, а ещё и тем, что партийные идеологи во все годы существования СССР, как могли, “рубил” в обществе национальные русские корни, препятствовали обращению интеллигенции к духовным и нравственным традициям русского народа. Грубо говоря, общество оторвалось одновременно и от социализма как государственного устройства, и от своих национальных корней и традиций. К чему это в конечном итоге привело – известно.

Как раз в ту пору – во второй половине шестидесятых годов – и вступал в литературу Виктор Лихоносов, занявший в ней особое, уникальное место. В его творчестве никогда не было стремления к социальному преобразованию мира, как не было и желания “копаться” в житейских переживаниях “амбивалентных”, то есть думающих одно, но поступающих по-другому героев. Его “корни” – живая связь с жизнью народа – не были перерублены. Он как будто шагнул в советскую литературу прямо из девятнадцатого века, продолжил традиции таких писателей, как Тургенев, Лесков, Гончаров, Чехов. Это сугубо **антибуржуазная** (за это и не любит Запад Россию!) традиция. Все ведущие русские писатели, включая Толстого и Достоевского, воинствующе **антибуржуазны**. Перманентная трагедия России как раз и заключается в противоестественном сосуществовании **антибуржуазного** по своей природе народа и непристойно (паразитически, отвязанно) **буржуазной** власти. Поэтому-то и появляются теории о генетической предрасположенности русского народа к прогрессу и общечеловеческим, то есть западным, ценностям, включая новейшие в виде однополовых браков, отъёма детей и толерантной мультикультурности.

Лучшие представители русской литературы советского времени, то есть второй половины XX века, каждый на своём уровне и на своей, так сказать, творческой территории исследовали происходящие в обществе процессы, опираясь на народные представления о жизни, добре и зле, морали и нравственности, то есть продолжали и развивали традиции русских классиков. В прозе это Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Солоухин и, конечно же, Виктор Лихоносов; в поэзии – Николай Рубцов и Юрий Кузнецов; в критике – Юрий Селезнёв, Вадим Кожин, Михаил Лобанов, Анатолий Ланщиков, Пётр Палиевский. При этом нельзя сказать, что они легко входили в литературу, что им был обеспечен режим наибольшего благоприятствования.

Как бы я сформулировал ту традицию, которую мы связываем с творчеством Виктора Ивановича Лихоносова? Видеть жизнь глазами народа, оценивать явления действительности, опираясь на духовный опыт народа, главное же – ощущать надежды, боль, даже иллюзии народа как свои собственные. Подобное понимание творчества позволяло создавать произведения, которые становились классикой уже при жизни авторов. Это был уникальный творческий метод. Ему невозможно было научить, с ним нужно

было родиться. Лихоносову, Белову, Можаяеву, Распутину не надо было, как академику Лихачёву, сочинять “заметки о русском”. Это было в каждой их строчке, ничего, кроме “русского”, они и не могли сочинить.

Были писатели, имитировавшие этот метод. Внешне чертами эпического “народного романа” обладали произведения Георгия Маркова, Анатолия Иванова, Петра Проскурина, Анатолия Калинина, Виталия Закруткина, Анатолия Ананьева, Сергея Залыгина. Но была ли это истинно-народная литература? Это была скорее адаптация традиции, подгонка её под востребованную читателями форму. Сейчас, к примеру, перечитывать роман Ананьева “Годы без войны” невозможно без внутреннего сопротивления. А, казалось бы, простой, с краеведческими мотивами роман Виктора Лихоносова “Наш маленький Париж” читается на одном дыхании, потому что правда в нём не вымученная (классовая или сконструированная), а лёгкая и естественная, как воздух, которым дышишь, не думая.

Традиции Виктора Лихоносова, продолжают в лучших произведениях таких – уже другого поколения – писателей, как Михаил Тарковский из Красноярска, Борис Агеев из Курска, Сергей Михеенков из Калуги. Из молодых я бы назвал Андрея Антипина из Забайкалья. Правда, их произведения не доходят до массового читателя из-за малых тиражей и “некоммерческого” (в понимании издателей) содержания. На рынке этим писателям места нет. Сегодня там господствуют стилистические извращения и “гламурный модернизм”, чуждый и враждебный всем нормальным людям.

Но у всякой традиции есть свои сроки, своя внутренняя жизнь, своя перспектива. Она существует, пока востребована, пока есть среда, где она как “рыба в воде”. Применительно к литературе традиция должна быть на одной волне с самоощущением народа, его невысказанными стремлениями, его пониманием добра и зла, оценкой происходящих событий.

И здесь мы подходим к теме, которую очень трудно осмыслить. А ещё труднее выйти из неё на какие-нибудь позитивные обобщения. Как понимать растянувшееся во времени “безмолвие народа”? Куда делся вековой настрой на правду и справедливость? Где та черта, на которой “народ-богоносец”, а потом “народ – строитель самого справедливого общества” превратился в “квалифицированного потребителя”, живущего уже не столько собственным трудом, сколько доходом с различных торговых операций? Опираясь на какие идейные, нравственные, духовные и прочие категории народ должен противостоять санкциям и тому, что мы называем “давлением Запада на Россию”?

Как эти темы отражаются в современной литературе? Где произведения, выражающие народную правду? В советское время любое, даже не самое талантливое, но претендующее на правду о жизни литературное произведение становилось бестселлером. Сегодня ощущение такое, что правда никому не нужна. Она тонет в белом и чёрном “информационном шуме”, взаимоисключающих толкованиях. Люди дезориентированы, энергии отдельных личностей не складываются в общую волю, побуждающую власть действовать в интересах общества.

Текущая действительность всегда являлась самым острым, горячим материалом для литературы. В русской литературной традиции, помимо критического реализма, отмечено и появление таких романов, как “Что делать?” Чернышевского, “Мать” Горького. Они как бы откликнулись на будущее в настоящем. В начале двухтысячных подобную попытку предпринял Захар Прилепин с романом “Санька”.

Сегодняшняя литература не дотягивается до традиций Виктора Лихоносова. Она летает гораздо ниже, как бабочка-однодневка. Современным писателям недостаёт таланта, спокойного мужества и уверенности в своём праве произнести ту правду, которую почувствует и признает безмолвствующий народ. А между тем, настало время, когда литература должна вести за собой людей. Но это в наших сегодняшних условиях предельно трудная задача. Констатировать беду уже недостаточно. Пришла пора выходить на борьбу с бедой, а для этого нужны такие дефицитные в обществе моральные категории, как вера, воля и самоотречение.

В чём сила таких писателей, как Виктор Лихоносов, Валентин Распутин, Леонид Бородин? Они ощущали “невысказанное” в душе народа, ощущали его сломленную волю как свой личный “перелом”, а потому их произведения

получали признание у читателей, становились вехами на пути развития литературы. А Леонид Бородин ещё и “отмотал” два срока за попытку претворить народные – христианско-социалистические – идеалы в жизнь.

Герой Лихоносова – это “человек в себе” – негромкий, но наблюдательный, всё подмечающий, сопереживающий, но меньше всего склонный навязывать себя окружающим, стремящийся не разоблачать и мучить других, а делать людям добро и относиться к ним по-человечески. Его герой – настоящий русский, вышедший из народа, интеллигент, а сам Лихоносов сразу заявил о себе как о **национальном русском писателе**, изображающем жизнь народа в том времени, в котором ему выпало жить. В спокойной и внешне мало динамичной прозе Лихоносова – рассказах “Брянские”, “Марея”, повести “На долгую память” – ощущается глубинное кровное родство писателя с народом. Народ всегда остаётся народом, он выше и первичнее любых проводимых над ним социальных экспериментов, таких, например, как колхозы, или нынешний насильственный возврат к капитализму. В его тяжёлой жизни писатель видит поэзию и красоту неразгаданного русского триединства – народа, земли и природы, которые всегда добрее и благороднее любой управляющей ими в данный момент власти.

Сегодня литература находится в некоем цивилизационном тупике. Россия как социальное сообщество русского и примкнувших к нему народов не ощущает того, что Блок называл “чувством пути”. Если у общества нет этого чувства, то на первый план выходят сугубо житейские, примитивные потребности. Поэтому становится востребованной развлекающая, отвлекающая, шокирующая литература. Это вступает в противоречие с традициями русской культуры. Да, мы правы, когда критикуем политику крупных издательств, но ведь они идут в фарватере читательских предпочтений, публикуют то, что можно продать.

Мы чтим традиции Виктора Лихоносова, отдаём дань уважения и восхищения этому мастеру, но при этом, к сожалению, приходится признавать, что современная литература идёт не по проложенному им и другими народными в истинном понимании этого слова писателями путём.

Бессилие, ощущение конца света, наступление последних времён, неприятие существующего мира – вот одна из главных тем современной русской литературы. Если прежде традиция поддерживалась верой в природный разум и высшую мудрость народа, то сейчас литература смещается к новому полюсу притяжения – сомнамбулическому приближению к некоей черте, за которой вселенское зло, апокалипсис.

Внутри “безмолвия” народа конструируются самые причудливые сюжетные конструкции. Это и романтический синтез “алтарей и ядерных ракет” у Александра Проханова, и саморазоблачительная правда о так называемом “русском духовном сопротивлении” в последних романах Владимира Личутина, и вялотекущая трагедия ненахождения себя в новой реальности у героев Евгения Шишкина и Михаила Тарковского.

Встречаются и попытки гальванизации традиции. К примеру, в редакцию “Роман-газеты” присылается большое количество произведений о том, что уже не вызывает у читателей интереса в силу отсутствия новизны. Немало появилось и мастеров живописания мерзости повседневного существования, бессилия окружающих людей что-либо изменить в своей жизни. Про такие повести и рассказы хочется сказать, что они хуже правды, потому что внушают читателям чувство отчаяния и покорность.

Есть литература простого набора истин, описания естественных человеческих чувств, так сказать, бытовая литература. Мы в “Роман-газете” часто публикуем подобные (среднего уровня) произведения. Они вроде бы правильные, но в них нет открытий, нет попытки заглянуть за горизонт повседневной жизни, как, например, сделал это Виктор Лихоносов в, казалось бы, предельно коротком и бесхитростном рассказе “Брянские”.

Где случился разрыв? Почему распалась связь между литературой и читателем? Думается, эта связь распалась не только в литературе, но и в самом нашем обществе на данном этапе исторического существования. Встроившись на ходу в “мировой порядок”, страна осталась без национальных традиций и, соответственно, без большой литературы. Сегодняшняя российская культура – это малопривлекательная тень не лучших образцов культуры западной.

Настала эпоха глобализации. Сейчас мы присутствуем при формировании очередного “нового человека” – потребителя. Ему совершенно не нужна серьёзная литература. Поэтому “лидерами продаж” сегодня становятся писатели, описывающие не красоту, а уродство человека, видящие в русском народе не родную, а враждебную общность, считающие народ быдлом. Отчасти поэтому волшебный русский язык, которым пишет Лихоносов, сегодня не востребован. Современные молодые читатели уже неспособны его воспринять, насладиться им. Тревожная ситуация с литературным русским языком подтверждается ещё и тем, что среди современных молодых писателей практически нет языковтворцев, художников слова, какими были в своё время Василий Белов, Валентин Распутин, а сегодня являются Виктор Лихоносов, Владимир Личутин, Виктор Потанин, Борис Якимов.

Увы, нынешнему российскому государству глубоко не интересна литература, никакой государственной политики в культуре нет. Достаточно посмотреть, кто становится лауреатами различных премий, кого издают издательства-монополисты, что ставят популярные театры. Но пока ещё каждый, кто имеет собственный взгляд на литературу и культуру, может на своём уровне заниматься любимым делом, искать единомышленников, организовывать встречи и конференции. Виктор Лихоносов, его общественная позиция, публицистика, исторические очерки, редакторская деятельность становятся “точками притяжения” для всех, кто работает в русле национальных традиций, кто чувствует, пусть по-разному, боль и немоту народа, кто пытается осмыслить происходящее сегодня с русскими и Россией. Это не только писатели, филологи, журналисты, но и работники библиотек и музеев, главное же – студенты, молодые читатели, те, от кого зависит будущее.

В России, как известно, нет идеологии. Она не предусмотрена Конституцией. Идеология сегодня у нас подменена вульгарной геополитикой. Но и здесь нет особых причин для гордости, за исключением Крыма.

Литература у нас существует по законам рынка, то есть она вне того, что в прежние годы именовалось “литературным процессом”. Талантливых критиков, оценивающих произведения писателей с точки зрения национальной литературы и духовных ценностей народа, остались единицы. Назову двоих: Александра Казинцева и Юрия Павлова, представляющих журналы “Наш современник” и “Родная Кубань”. Меня очень радует, что оба эти издания не только скорбят о том, что происходит со страной и литературой, но и смотрят в будущее. Они активно привлекают к сотрудничеству молодёжь, пишут о новых талантливых авторах, всячески их поддерживают.

Традиции Лихоносова живы в публицистике. Назову молодого автора Станислава Смагина. Его сборник очерков о Донбассе “Там, где мой народ” недавно вышел в журнале “Роман-газета”. Это поистине лихоносовский взгляд на трагедию Донбасса глазами народа. Моральное и нравственное осмысление ситуации с точки зрения вечных истин, которые изначально “заархивированы” в народном сознании. Автор не боится называть вещи своими именами.

Трудно делать определённый прогноз на будущее. Мне, например, совершенно очевидно, что капитализм в той форме, в какой он утвердился в России, не подходит русскому народу, не даёт развиваться стране. Мы сейчас находимся в некоей исторической паузе. Народ ещё не сказал своего последнего слова. В такие времена люди начинают отчаянно искать ориентиры в жизни, ощупью ищут произведения, вносящие в душу не гнев, хаос и смятение, а спокойную уверенность в собственных силах, веру в жизнь и окружающих людей. Здесь у современной национальной русской литературы появляется шанс. Очень важно его не упустить.

Поэтому произведения Виктора Лихоносова будут жить, будут востребованы читателям до тех пор, пока существует Россия и в ней живут русские люди.

.....
Поздравляем нашего давнего друга и автора, замечательного писателя Юрия Козлова с юбилеем!

Редакция